

Юридическая политика и законодательство Китайской Народной Республики периода реформ и открытости*

П. В. Трощинский

Для цитирования: *Трощинский П. В.* Юридическая политика и законодательство Китайской Народной Республики периода реформ и открытости // Правоведение. 2019. Т. 63, № 2. С. 285–308. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.206>

В статье исследуются особенности проводимой китайскими властями с 1978 г. законодательной политики в сфере регулирования экономических преобразований. После окончания «культурной революции» (1976 г.) пришедшие к власти лидеры инициировали широкомасштабные реформы, более известные как «политика реформ и открытости». В стране был провозглашен курс на осуществление «четырёх модернизаций», возобновилась правотворческая деятельность, на два десятилетия прерванная различными разрушительными политическими кампаниями (1956–1976 гг.). Проводимые изменения осуществлялись без слома фундаментальных основ новой китайской государственности, образованной в октябре 1949 г. Китай не только явил миру уникальную, отличную от Запада модель экономического развития, вернувшись в эпицентр мировой геополитики, но и пошел по своеобразному пути правового развития, когда при отсутствии многопартийной системы, разделения властей, системы сдержек и противовесов, превращения страны в правовое государство по европейскому образцу, конституционного закрепления приоритета норм международного права над национальным и др. удалось добиться потрясающих экономических результатов. За годы реформ Китай доказал возможность существования иной, альтернативной Западу и не менее прогрессивной модели правового регулирования экономической сферы. Благодаря национально ориентированной юридической политике, предполагающей приоритетную защиту интересов собственного государства, китайским реформаторам удалось не только привлечь в страну огромные инвестиции из-за рубежа и новые западные технологии, но и получить над ними абсолютный контроль, включая массовую регистрацию прав интеллектуальной собственности иностранного бизнеса на своих гражданах. В погоне за быстрой прибылью зарубежный бизнес не уделял должного внимания особенностям действующего китайского законодательства, которое «с радостью» впускало его на свою территорию, но препятствовало свободному вывозу законной прибыли из страны. Сейчас, когда на фоне разворачивающейся торгово-экономической войны Китая с США все большее количество зарубежных предпринимателей задумывается о переносе (возврате) своих производств из КНР в другие страны, сделать это будет непросто, а в отдельных отраслях экономики — уже невозможно. Расплывчатость положений китайских нормативных правовых актов служит прекрасным основанием для введения любых запретительных мер в отношении иностранца, желающего вывезти свои капиталы и материальные средства производства. Основы юридической политики и законодательства, регулирующих «реформу и открытость», формировались еще в самом начале их осуществления, и сейчас Западу, который на протяжении 40 лет активно

Трощинский Павел Владимирович — канд. юрид. наук, Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32; troshc@mail.ru

* Посвящается памяти выдающегося отечественного ученого, исследователя права КНР Леонида Моисеевича Гудошникова (06.12.1927–18.08.2014).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

помогал Китаю в его возвышении, остается лишь пожинать плоды собственной внешнеполитической стратегии.

Ключевые слова: китайское право, правовая система, законодательство, правовое регулирование, юридическая политика, правовой эксперимент, экономические реформы, государственная безопасность.

Введение

В 2019 г. Китайская Народная Республика отметила 70-летний юбилей своего образования. Современный Китай представляет собой мощную, экономически высокоразвитую державу, играющую одну из ключевых ролей на международной арене. История КНР полна взлетов и падений: еще не так давно социалистический Китай находился в состоянии абсолютного хозяйственного упадка, а проводимые с 1956 г. политические кампании («движение за упорядочение стиля», «борьба с правыми элементами», «большой скачок», «великая пролетарская культурная революция») полностью подорвали экономический порядок, поставив за грань выживания большинство населения страны. Ко времени смерти Мао Цзэдуна, окончания «культурной революции» и ареста «банды четырех» (все эти события пришлось на 1976 г.) политическая, экономическая и правовая системы были разрушены, в стране не работали органы законодательной и исполнительной власти, не действовал закон, отсутствие четкого механизма передачи власти после ухода из жизни Мао несло риск развязывания очередных разрушительных кампаний для ее захвата той или иной политической группировкой. В этих сложных условиях ставшие у руля государства реформаторы инициировали процесс отказа от одиозных лозунгов и институтов, свойственных предыдущему периоду, было положено начало процессу восстановления экономики, воссоздания уничтоженных органов власти и управления, формирования социалистической правовой системы с китайской спецификой.

В 2018 г. исполнилось 40 лет с начала проведения в КНР широкомасштабных экономических реформ, получивших название «политика реформ и открытости», в результате которых Китай превратился в одного из мировых политических и экономических лидеров, а уровень жизни большинства граждан чрезвычайно вырос. Неслучайно авторитетные отечественные ученые, например В. Я. Портяков, считают сорокалетнюю историю экономической реформы в КНР историей успеха¹. Эти реформы, по мнению А. В. Виноградова, «вернули Китай в эпицентр мировой политики и геополитики. Китай стал второй державой мира, и только новая, стремящаяся к полицентричному, конфигурация мирового порядка удерживает от прямых аналогий его со сверхдержавой»².

За 40 лет проведения политики «реформ и открытости» Китай предложил миру новую политическую и экономическую модели развития³. Академик М. Л. Титаренко констатирует: «То, что строится в Китае, и путь, по которому он идет, не укладываются ни в привычные рамки традиционных представлений о социализме, ни в либеральные схемы рыночных отношений западной демократии»⁴.

¹ См. об этом: К 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике / сост. В. Я. Портяков. // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 4.

² Там же. С. 6.

³ По словам А. В. Виноградова, «китайские реформы изменили не только мир, но и теоретические представления о развитии, сформулированные на Западе» (Там же. С. 7).

⁴ Титаренко М. Л. XVIII съезд КПК и развитие теории социализма с китайской спецификой // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013 / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Форум, 2013. С. 7.

Правовое содержание китайских реформ значительно отличалось от западных шаблонов. Власти КНР отказались от принципа верховенства закона, разделения властей, системы сдержек и противовесов, превращения страны в правовое государство по европейскому образцу, реального, а не декларативного предоставления гражданам личных свобод, закрепления приоритета норм международного права над национальным, принятия кодифицированных актов правотворчества в гражданской, налоговой, административной сферах и т. д., и т. п.

Несмотря на это, огромные зарубежные инвестиции хлынули в страну с таким, по сути, антидемократическим режимом. Масштабным капиталовложениям в китайскую экономику со стороны западного бизнеса и «хуацяо» (китайцы, проживающие за пределами КНР) не мешали полное отсутствие в стране регулирующих инвестиционную сферу кодексов и законов, расплывчатость законодательства, применение уголовного закона по аналогии, отсутствие механизма защиты прав интеллектуальной собственности, наличие в Уголовном кодексе КНР (далее — УК КНР) около 70 составов преступлений (УК КНР 1997 г.; в настоящее время — 46), предусматривающих высшую меру наказания. Более того, зная о том, что в КНР повсеместно нарушаются авторские права, права на торговые марки и патентные права, мировое сообщество, игнорируя вытекающие из этого риски, принимает Китай во Всемирную торговую организацию (далее — ВТО) (2001 г.), закрывая глаза на повсеместные кражи зарубежной интеллектуальной собственности, полагая, что продолжающееся усиление экономической мощи КНР выгодно и ему.

С 1978 г. помощь Запада предоставлялась Китаю регулярно и в огромных масштабах. Американский и европейский бизнес начали массово переносить свои производства в КНР, чему способствовала дешевизна рабочей силы и многие другие особенности, включая правовой режим, о чем подробнее скажем ниже. Благодаря внешней политике Дэна Сяопина симпатии американской деловой элиты и Запада в целом долгое время оставались на стороне Китая. С него было снято экономическое эмбарго, действовавшее несколько десятилетий. Констатируем, что сближение Запада с Китаем происходило на антисоветской почве. В итоге за какие-то 40 лет отсталый, бедный Китай превратился в сверхдержаву, в серьезного конкурента западных стран на международной арене. Так, к 2018 г. ВВП КНР составил 82,7 трлн юаней (около 12,5 трлн долларов США — второе место в мире после США; за 40 лет реформ среднегодовой рост 9,5 %); доля в мировом ВВП выросла с 1,8 % до 15,2 %; на протяжении многих лет Китай обеспечивает более 30 % прироста мировой экономики; объем внешней торговли (экспортно-импортных операций) увеличился с 20,6 млрд долларов США до более чем 4 трлн; объем накопленных прямых зарубежных инвестиций превысил 2 трлн долларов США⁵. Неслучайно генеральный секретарь Коммунистической партии Китая (далее — КПК) Си Цзиньпин назвал политику «реформ и открытости» «великим пробуждением» правящей партии⁶.

Развернувшаяся сейчас на наших глазах запоздалая торговая война США с КНР сможет доказать либо опровергнуть способность китайской государственности развиваться в условиях конфронтации, а не сотрудничества с Западом, подтвердит уникальность, самобытной китайской модели развития либо констатирует ее несостоятельность. Лишь в условиях нахождения под экономическими санкциями в случае продолжения экономического развития Китай сможет убедить нас,

---

⁵ 习近平：在庆祝改革开放40周年大会上的讲话 [Речь Си Цзиньпина на собрании, посвященном 40-летию политики реформ и открытости]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2018-12/18/c_1123872025.htm (дата обращения: 10.06.2019).

⁶ Там же.

что успешность проводимых последние 40 лет реформ в большей степени зависела не от Запада и его помощи, а от избранной им самим парадигмы обновления.

1. Юридическая политика и законодательство начального периода реформ

Китайские реформы начали проводиться практически сразу после смерти Мао Цзэдуна и ареста «банды четырех» (1976 г.). На политической сцене появились (а также возвратились из ссылки) различные деятели, которые представляли противоположные течения внутри правящей партии. Несмотря на идеологические разногласия, они были едины в вопросах о необходимости нормализации обстановки в стране, проведения реформ политической, экономической и правовой систем, существовании при главенстве плановой экономики многообразных не-социалистических форм хозяйства, либерализации рынка. Консенсус по этим вопросам позволил избежать внешних проявлений внутривластной борьбы за власть, был создан ореол единства партии по основным вопросам социально-экономического развития страны при продолжающейся внутри правящей элиты битве за первенство.

В конце 1970-х годов в КНР возобновилась правотворческая деятельность, прерванная в конце 1950-х годов различными политическими кампаниями. Именно с этого времени принято говорить об уникальном опыте правового строительства китайского государства. На начальном этапе реформ перед руководством Китая стояла задача стабилизировать положение внутри страны, восстановить разрушенную систему управления, стимулировать развитие народного хозяйства. Как и в первые годы после образования КНР (1949–1954), законодательная деятельность становится неотъемлемой частью начавшихся в стране преобразований.

Уже в 1977 г. в правовой системе КНР начинают появляться первые акты нормотворчества экономической направленности, принимаемые восстановленными органами Государственного совета, в том числе: Опытные правила освобождения складов от экспортируемых товаров и сырья (13.05.1977), Правила управления мерами и весами КНР (в опытном порядке) (27.05.1977), Положение о системе управления сбором налогов (16.08.1977), Некоторые положения относительно гарантии качества основных строительных проектов (23.09.1977), Правила перевозки товаров внутри государства (в опытном порядке) (01.10.1977), Правила управления Народным банком Китая золотом и серебром (в опытном порядке) и Правила расчетов Народного банка Китая (оба документа приняты 06.11.1977), Решение об управлении наличными средствами (28.11.1977) и др.⁷

Все перечисленные документы стали лишь предтечей целого потока нормативных правовых актов, принятых в КНР после 1978 г. Наиболее значимые законодательные акты КНР начали появляться уже с 1979 г.

Один из идеологов экономической реформы, Дэн Сяопин провозгласил курс на осуществление модернизационного развития страны⁸. Основой для практической разработки реформаторских идей Дэн Сяопина стал курс «четырех модернизаций», поставивший целью преобразования в четырех областях: промышленности, сельском хозяйстве, армии, науке и технике. Дэн Сяопин заявлял: «При осуществлении дела модернизации необходимо исходить из реальной дей-

⁷ См. об этом: 重要经济法规资料选编 [Избранные материалы по важнейшему экономическому законодательству]. 1977–1986. Пекин, 1987.

⁸ См. об этом: Делюсин Л. П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. М.: Муравей, 2003. С. 5.

ствительности Китая. <...> Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной практикой нашей страны, идти собственным путем и строить социализм со спецификой Китая — таков основной вывод, сделанный нами на основе обобщения длительного исторического опыта»⁹.

Переломным событием в политической и экономической жизни Китая рассматриваемого периода считается 3-й Пленум ЦК КПК 11-го созыва (18–22 декабря 1978 г.), с которого принято вести отсчет проводимых в стране крупномасштабных реформ. На нем был провозглашен курс на обновление страны, восстановление законности, акцент в государственной работе был перенесен на экономическое строительство, инициирован массовый процесс реабилитации жертв политических репрессий. Впервые за долгие годы правящей партией было заявлено: «Социалистическая модернизация нуждается в строгом соблюдении закона и дисциплины. <...> Необходимо добиться, чтобы у нас были законы, на которые можно положиться; исполнение законов должно быть строгим, нарушение законов должно расследоваться и пресекаться»¹⁰.

Восстановление разрушенного механизма правового регулирования связано прежде всего с принятием на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (далее — ВСНП) пятого созыва новой Конституции КНР 1978 г., ставшей первоначальной базой этого процесса (05.03.1978)¹¹. В общем плане в Конституции 1978 г. была законодательно оформлена политика руководства страны, направленная на восстановление страны после известных политических кампаний. И хотя данная Конституция просуществовала совсем недолго (до 1982 г.), она явилась основой зарождающегося правотворческого процесса в масштабах всего Китая.

В год принятия Конституции 1978 г. на состоявшемся Всекитайском совещании по вопросам законодательного строительства в форме доклада политико-юридической группы ЦК КПК была обнародована программа принятия или восстановления наиболее важных для страны законодательных актов в следующих сферах:

- хозяйственной (в целях восстановления порушенного экономического порядка, привлечения зарубежных инвестиций);
- природоохранной (требования защиты экологии);
- охраны общественного порядка (восстановление разрушенных правоохранительных органов, борьба с преступностью);
- организации государственных органов (восстановление разрушенных органов государства)¹².

С 1979 г. китайский правотворец приступает к активному принятию основополагающих правовых документов, без которых было невозможно успешное реформирование государства. Из принятых нормативных правовых актов 70 % направлено на регулирование экономической сферы. Хозяйственное (экономическое) право стало преобладающим по количеству принятых в этой отрасли документов. Его основу составляли директивные установки правящей партии. Появляются: Положение о поощрении выпуска продукции высшего качества (30.06.1979), Закон «Об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на

---

⁹ Дэн Сяопин. О строительстве специфически китайского социализма. Бэйцзин: Издательство литературы на иностранных языках, 1985. С. 4.

¹⁰ 人民日报 [Жэньминь жибао (Ежедневная народная газета)]. 1978. 24 дек.

¹¹ См. об этом: Гудошников Л. М. Конституция КНР 1978 г. и начало правовосстановительного процесса в Китае // Публично-правовые исследования. 2008. № 3. С. 119–129.

¹² 人民日报 [Жэньминь жибао (Ежедневная народная газета)]. 1978. 28 окт.

китайском и иностранном капитале» (01.07.1979), Положение о стандартизации (31.07.1979), Положение об особых экономических зонах провинции Гуандун (26.08.1980), Закон «О подоходном налоге со смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале» (10.09.1980), Закон «О личном подоходном налоге» (10.09.1980), Временное положение о развертывании и защите социалистической конкуренции (17.10.1980), Временное положение о постоянных представительствах иностранных предприятий в КНР (30.10.1980), Постановление о повсеместном строгом контроле над ценами и упорядочении цен (07.12.1980), Временное положение о контроле за иностранной валютой (18.12.1980), Постановление о предоставлении собраниям народных представителей провинций Гуандун и Фуцзянь и их Постоянным комитетам права вырабатывать отдельно действующие положения по всем экономическим вопросам для подчиненных им особых экономических зон (26.11.1981), Закон «О подоходном налоге с иностранных предприятий» (13.12.1981), Закон «О хозяйственном договоре» (13.12.1981), Положение о разработке морских нефтяных ресурсов совместно с иностранными фирмами (12.01.1982), Положение о регистрации промышленных и торговых предприятий (07.07.1982), Закон «О товарных знаках» (23.08.1982) и многие другие¹³.

При исследовании особенностей юридической политики и законодательства КНР периода «реформ и открытости» следует учитывать следующие основные этапы ее социально-экономического развития:

- 1978–1990 гг. — переход от бедности к уровню «обогреть и накормить» (начальный этап);
- 1990–2000 гг. — переход от уровня «обогреть и накормить» к уровню «малого благоденствия»;
- 2000–2020 гг. — переход от уровня «малого благоденствия» к «обществу малого благоденствия» (должен быть завершен к 2021 г., к 100-летней годовщине создания КПК);
- 2020–2030 гг. — переход от общества «малого благоденствия» к обществу «всеобщей зажиточности»¹⁴.

Стремление руководства Китая построить к 2030 г. общество «всеобщей зажиточности» определило вектор развития законодательства с начала реформ до настоящего времени. Долгосрочное планирование не только в экономике, но и в сфере принятия необходимых актов правотворчества для обеспечения ее развития является важной особенностью юридической политики китайских властей.

2. Специальные (особые, свободные) экономические зоны

Политика «реформ и открытости» чрезвычайно активно насаждалась в приморских городах, которые к тому времени представляли собой бедное китайское захолустье. Именно с них начался экономический подъем всего Китая. Прекрасное географическое расположение позволяло осуществлять через приморские районы масштабную экспортно-импортную логистику, привлекать иностранный капитал в развитие инфраструктурных проектов, способствовало господству и национальному бизнесу напрямую работать с зарубежными рынками. Широкие

¹³ Приводится по: КНР: Конституция и законодательные акты / пер. с кит.; под ред. Л. М. Гудошниковой. М.: Прогресс, 1984. С. 140–281; Основные законы и постановления Китайской Народной Республики (1979–1981 гг.): в 2 ч. / отв. ред. К. А. Егоров; пер. с кит. Ч. 1. М.: ИДВ РАН, 1983. С. 45–178.

¹⁴ См. об этом: *Островский А. В.* 10 лет после вступления КНР в ВТО: новые проблемы и новые вызовы для китайской экономики // Экономика КНР: 10 лет после вступления в ВТО / отв. ред. А. В. Островский; сост. П. Б. Каменнов: в 2 ч. Ч. 1. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 13.

автономные правотворческие полномочия местных властей вкупе с огромными зарубежными инвестиционными вливаниями за недолгий срок превратили приморские города, а затем и весь юг Китая в процветающий регион.

Четырьмя первыми городами, с которых началось создание специальных экономических зон (далее — СЭЗ), стали Шэньчжэнь, Сямэнь, Чжухай и Шаньтоу. На их территории установили особый льготный инвестиционный режим, предполагающий освобождение зарубежного инвестора от значительного количества налоговых выплат (льготная ставка налога на прибыль, пятилетние налоговые каникулы, освобождение от уплаты платежей за пользование землей, водой и др.). Приморские районы становятся локомотивом экономического развития КНР. В СЭЗы привлекался иностранный капитал, передовые технологии, зарубежный опыт управления, увеличивалась экспортная валютная выручка, ускоренное экономическое развитие охватывало все южные регионы Китая, где располагались специальные зоны.

Местной администрации были предоставлены права на разработку и принятие соответствующей нормативно-правовой базы для оперативного реагирования на нужды инвестора. Л. И. Гудошников отмечает: «Характерная особенность правового регулирования СЭЗ проявилась в том, что нормативные акты или конкретизирующие Положения о СЭЗ принимались на провинциальном уровне»¹⁵.

В ноябре 1981 г. Постоянный комитет ВСНП (далее — ПК ВСНП) принял Постановление о предоставлении собраниям народных представителей (далее — СНП) провинций Гуандун и Фуцзянь и их постоянным комитетам права вырабатывать отдельно действующие положения по всем экономическим вопросам СЭЗ. Согласно документу, в целях «более эффективного развития роли особых экономических зон» СНП провинций Гуандун и Фуцзянь и их постоянным комитетам предоставлялось право «на основе принципов, установленных соответствующими законами, постановлениями и политическими установками», а также сообразуясь с конкретными условиями зон и их реальными потребностями, разрабатывать «отдельно действующие положения по всем экономическим вопросам, подлежащие передаче в ПК ВСНП и Государственный совет». Данное Постановление давало властям указанных провинций беспрецедентные полномочия для улучшения инвестиционного климата в СЭЗ: они получили право реализации проектов с иностранным участием без ограничения объема инвестиций, но при условии, что провинции смогут самостоятельно обеспечить соответствующие предприятия фондами, сырьем, энергией.

Законодательно вопросы деятельности СЭЗ регулировались рядом общегосударственных законов: о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом (01.07.1979; первый и основополагающий акт в сфере регулирования сотрудничества с иностранным капиталом), о подоходном налоге совместных предприятий с китайским и иностранным капиталом (10.09.1980), о подоходном налоге с иностранных предприятий (13.12.1981), о внешнеэкономическом договоре (21.03.1985), о предприятиях иностранного капитала (12.04.1986) и актами Государственного совета: Временным положением о постоянных представительствах иностранных предприятий в Китайской Народной Республике (10.09.1980), Положением о регистрации промышленных и торговых предприятий (07.07.1982), Положением о договорах на импорт техники (24.05.1985), Постановлением о поощрении иностранных инвестиций (11.10.1986) и др. Принятые законы КНР о по-

---

¹⁵ Гудошников Л. М. Правовое регулирование СЭЗ // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. 9: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А. В. Виноградов. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2016. С. 258.

рядке въезда в страну и выезда из страны иностранных граждан (22.11.1986), Таможенный кодекс (22.01.1987) и другие также касались вопросов правового регулирования СЭЗ.

Нормативные документы, конкретизирующие функционирование деятельности СЭЗ, широко принимались местными органами власти. Так, 26 августа 1980 г. ВСНП утвердило принятое СНП провинции Гуандун Положение об особых экономических зонах провинции Гуандун (документ положил начало развития этих зон). «Из содержания «Положения...», — свидетельствуют советские и чехословацкие ученые, — вытекает, что на территории КНР создаются особые районы, хотя и подчиненные китайской юрисдикции, но с особым правовым режимом в сфере предпринимательской и коммерческой деятельности, за соблюдение которого отвечает специальный административный орган»¹⁶.

Согласно закрепленным в документе положениям, местные китайские власти приветствовали инвестиции в строительство заводов, предприятий со стороны иностранных граждан и соотечественников из-за рубежа (ст. 1). Зарубежные инвестиции, по замыслу авторов документа, могли вкладываться в промышленность, сельское хозяйство, животноводство, туризм, строительство, производство высоких технологий и др. (ст. 4). В распоряжение инвестора поступали дороги, склады, вода и электричество региона (ст. 5). Отражая стремление Китая использовать зарубежный опыт в процессе проведения реформ, документ предусматривал возможность создания «комитетов советников в качестве консультативных органов» СЭЗ (ст. 6). Это означало наделение иностранного бизнеса особыми правами. Произведенная в СЭЗ продукция должна была поступать на международный рынок (ст. 9). От пошлин освобождались техника, комплектующие, сырье, предметы транспортной логистики, импортируемые в КНР для нужд СЭЗ (ст. 13). Ставка подоходного налога устанавливалась в 15 %. Однако для целого ряда предприятий, в особенности для тех, кто зарегистрировался в СЭЗ в течение двух лет с момента вступления в силу данного Положения, предусматривались особые льготы, вплоть до освобождения от налогов (ст. 14). Законодательный акт устанавливал упрощенный порядок пересечения китайской государственной границы в СЭЗ для иностранных граждан (ст. 18).

Осуществлявшаяся в специальных зонах налоговая политика включала:

- освобождение от подоходного налога либо его смягчение, налоговые каникулы;
- освобождение от таможенных пошлин либо снижение их размера;
- отсутствие валютного контроля;
- отсутствие импортных квот;
- снижение количества разрешительных процедур, уменьшение бюрократических барьеров;
- свободный доступ к инфраструктуре региона;
- политическую и экономическую поддержку со стороны местной администрации.

Меры поддержки зарубежного инвестора принесли пользу как иностранному капиталу, так и Пекину. Китайская экономика стала показывать высокие и устойчивые темпы роста: существенно возросли объемы капиталовложений из-за рубежа, повысилась производительность труда, резко возрос уровень жизни населения приморских городов. По свидетельству В. Я. Портнякова, «в конечном

¹⁶ Современное право Китая / под общ. ред. Л. М. Гудошникова и Л. Кржижковского. М.: Наука, 1985. С. 130.

счете СЭЗ стали интерпретироваться, согласно выражению Дэн Сяопина, как «окно техники, знаний, управления, внешней политики». Под последним имелся в виду демонстрационный эффект специальных экономических зон, позволявший внешнему миру на их примере понять суть проводимой в Китае политики реформ и открытости»¹⁷.

3. Местное нормотворчество и подзаконное правотворчество

В китайской промышленности, сельском хозяйстве, строительной и пищевой отраслях, здравоохранении и многих других сферах народного хозяйства, не имевших развития в предыдущие годы, начался резкий рост за счет массового притока иностранных инвестиций, нормотворческой свободы органов власти на местах, оперативно принимающих необходимые для бизнеса нормативные акты, свободы предпринимательской деятельности, ослабления государственного контроля в области ее регулирования. В первое десятилетие реформ страна переживала настоящий правотворческий бум, во время которого на свет появлялись сотни новых нормативных правовых актов.

Одна из особенностей политики «реформ и открытости» заключалась в предоставлении широких нормотворческих полномочий органам власти на местах, в особенности, как уже было отмечено выше, администрации приморских городов. Именно это сыграло решающую позитивную роль в деле привлечения в китайские регионы крупных инвестиций. Зарубежным инвесторам не приходилось ожидать появления в правовой системе Китая необходимого инвестиционного закона, вместо которого Государственный совет и местные правительственные органы активно принимали различные документы, предоставляющие инвестору льготные налоговые режимы. Местные же нормотворческие акты принимались настолько оперативно, насколько этого требовал инвестор. Широкое распространение на местах получали налоговые преференции, которые применялись в рамках конкретных инвестиционных проектов. В подтверждение сказанного приведем слова российского исследователя В. В. Севальнева: «...современной правовой политике китайского государства в сфере налогообложения инновационного сектора свойственно достаточно широкое местное правотворчество, при котором органам власти на местах центральной властью предоставляются полномочия по принятию собственных актов для регулирования инновационного сектора»¹⁸.

Основу юридической политики в области привлечения инвестиций из-за рубежа составили политико-правовые взгляды пришедших к власти после смерти Мао реформаторов. Однако они умышленно умалчивали о другой, оборотной (негативной) стороне медали такого оперативного и локального регулирования экономической сферы для зарубежного инвестора: при отсутствии трудноизменяемого закона действие местных актов нормотворчества может быть изменено с такой же легкостью и оперативностью, с которой они были приняты. Это обстоятельство зачастую ускользало от внимания иностранного предпринимателя, который в погоне за быстрой прибылью не думал о завтрашнем дне. Сейчас, когда зарубежный бизнес всерьез задумался о переносе производственных мощностей из Китая в другие страны, защитить свои капиталовложения и вывезти их

¹⁷ *Портяков В. Я.* Роль СЭЗ в экономическом развитии // История Китая с древнейших времен... Т. 9. С. 256.

¹⁸ *Севальнев В. В.* Источники правового регулирования налогообложения инновационного сектора КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 1. С. 157.

из Китая будет невозможно: с высокой степенью вероятности китайские местные власти начнут оперативно принимать нормативные акты, препятствующие этому процессу, в результате чего зарубежный бизнес окажется в заложниках китайской национально ориентированной политики.

Активное принятие местных нормотворческих актов и подзаконных актов органами Государственного совета привело к проблеме «подзаконной инфляции», при которой один и тот же юридический вопрос часто регулируется несколькими разрозненными документами с противоречащими друг другу положениями. Кроме того, оказалось, что доступ к некоторым нормотворческим актам ограничен по причине отсутствия их официального опубликования либо присвоения им грифа «для служебного пользования» (грифа секретности). Особенно часто это проявляется при регулировании цифровой экономики либо китайского сегмента Интернета, когда блокировка контента происходит по решению административного органа без прямых ссылок на публично обнародованное законодательство.

В последние годы в связи с введением Западом экономических санкций в отношении России крупные китайские государственные банки массово и безосновательно блокируют счета, операции российских клиентов, включая банковские карты физических лиц. При этом каких-либо ссылок на законодательство не предоставляется. Не показываются и внутренние инструкции (правила), на основании которых осуществляется такая деятельность, по причине наличия у документов грифа секретности. В кулуарах китайские банкиры объясняют свою политику неофициальным давлением западных кредиторов, требующих от них совместного участия в антироссийской санкционной кампании. Под блокировку попадают не только те россияне, которые включены в санкционные списки, но и те, которые при регистрации в системе предъявляют российский паспорт.

4. Расплывчатость содержащихся в китайском законодательстве формулировок

Принимаемым в ходе проведения политики «реформ и открытости» нормативным правовым актам свойственна высокая степень неопределенности и неконкретности формулировок. В среде отечественных и зарубежных специалистов часто звучит утверждение, согласно которому китайское законодательство чрезвычайно несовершенно и расплывчато, а юридическая техника китайского правотворца находится на низком уровне. С этим утверждением можно согласиться лишь в части признания китайского законодательства нечетким, но с важной оговоркой: расплывчатость китайских законов умышленна, благодаря ей правоприменитель «поворачивает» норму в выгодную для интересов государства сторону. Иными словами, для правоприменителя создаются весьма комфортные условия по применению нечетких формулировок при решении задач государственно-политического характера, а также по трактовке правовой нормы в свою пользу.

Неопределенность китайского законодательства — главный тренд при его разработке и последующем утверждении. Так было в досоциалистическом республиканском Китае: например, в гл. 21 «Об убийстве» Уголовного кодекса Китайской Республики (1917 г.) в ст. 286 содержалось следующее положение: «Винные в убийстве, совершенном в состоянии возбуждения от справедливого гнева на месте происшествия, наказываются срочным каторжным тюремным заключением на срок от одного года до семи лет» (ч. 1)¹⁹ (при этом нигде не раскрывалось

¹⁹ Уголовный кодекс Китайской Республики / под ред. Е. С. Павликовского. Харбин: Отд. Тип. Кит. Вост. жел. дор., 1929. С. 64.

понятие «справедливого гнева»). Так было и в первые десятилетия политики «реформ и открытости»: например, в соответствии со ст. 5 Правил управления и обеспечения безопасности компьютерной информационной сети в международном Интернете (обнародованы Министерством общественной безопасности КНР 30.12.1997) «никакие организации и отдельные лица не должны, используя международную сеть Интернет, изготавливать, копировать... и распространять следующую информацию»: «содержащую злостную клевету либо извращенные факты, распространяющую ложные слухи, подрывающую общественный порядок» (п. 5); «подрывающую репутацию государственных органов» (п. 7)²⁰.

Положение не изменилось и в настоящее время. Например, в соответствии с Правилами управления доменными именами сети Интернет, принятыми 16.08.2017 Министерством промышленности и информатизации, регистрируемые, используемые любыми организациями или лицами доменные имена не могут включать в себя следующее содержание (ст. 28):

- выступающее против основных принципов, установленных Конституцией;
- посягающее на государственную безопасность, раскрывающее государственную тайну, подрывающее государственную власть, разрушающее государственное единство;
- подрывающее репутацию и интересы государства;
- разжигающее национальную ненависть, национальную дискриминацию, разрушающее национальное единство;
- разрушающее государственную религиозную политику, пропагандирующее сектантство и феодальные суеверия;
- распространяющее слухи, нарушающее общественный порядок, подрывающее социальную стабильность;
- распространяющее непристойности, порнографию, азартные игры, насилие, террор или подстрекающее к совершению преступлений;
- оскорбляющее лицо или клеветующее на него, нарушающее его законные права и интересы;
- иное содержание, запрещенное законом, административным законодательством²¹.

Расплывчатое законодательство позволило китайским властям защитить интересы своих национальных компаний от сильных иностранных конкурентов. Неслучайно полная блокировка на территории КНР работы (на основе подзаконных актов с размытыми формулировками о распространении «запрещенного контента») Google, YouTube, Facebook, Twitter, Flickr и других привела к вытеснению с китайского рынка не только западных интернет-площадок, но и крупнейших бизнес-проектов, с ними связанных. Вместо них при отсутствии конкуренции выросли и превратились в мегагигантов такие известные китайские интернет-корпорации, как Baidu, Weibo, Sohu, площадки электронной коммерции Alibaba (платежная система Alipay, глобальная виртуальная торговая площадка AliExpress, интернет-магазин Taobao); Tencent (мессенджер Wechat; платежная система Wechat Pay, TenPay, QQpay) и др. Китайские власти и сейчас продолжают политику

²⁰ 计算机信息网络国际联网安全保护管理法 (公安部令第33号) [Правила управления и обеспечения безопасности компьютерной информационной сети в международном Интернете (Приказ Министерства общественной безопасности № 33)]. URL: <http://www.mps.gov.cn/n2254314/n2254409/n2254443/n2254451/c4113546/content.html> (дата обращения: 10.06.2019).

²¹ 互联网域名管理办法 [Правила управления доменными именами сети Интернет]. URL: <https://baike.baidu.com/item/互联网域名管理办法/23443734?fromtitle=中国互联网网络域名管理办法&fromid=1778530> (дата обращения: 10.06.2019).

ограничений в отношении ведущих западных интернет-компаний: так, в конце апреля 2019 г. в китайском сегменте интернета закрыт доступ к Wikipedia не только на китайском (как ранее), но и на всех иных языках мира.

Неудивительно, что подавляющая часть объемов электронной коммерции в Китае проходит через контролируемые китайским правительством национальные корпорации. В 2018 г. совокупный объем цифровой экономики КНР достиг 31,3 трлн юаней (около 4,6 трлн долларов США), что составило 34,8 % от ВВП страны (иными словами, более 1/3 всей китайской экономики приходится на цифровую сферу)²². В 2018 г. цифровая экономика дала рабочие места 191 млн чел., что составило 24,6 % от общего количества занятых в экономике лиц²³.

Даже если теоретически представить, что иностранные интернет-гиганты вернуться на китайский рынок, вряд ли им удастся занять на нем лидирующие позиции. Подчиненные китайскому правительству национальные компании все равно заставят иностранцев играть по своим правилам. Неслучайно американская администрация обвинила китайскую корпорацию Хуавэй со связями с правительством КНР и национальной разведкой. На Западе не верят в независимость подобного рода китайских корпораций от официального Пекина.

5. Правовой эксперимент и временный порядок действия нормативно-правовых актов

Экономические реформы осуществлялись в Китае чрезвычайно осторожно, без применения методов шоковой терапии. Процесс модернизации народного хозяйства проходил под лозунгом «переходить реку, нащупывая камни» (摸着石头过河), что означало неспешность, осмотрительность и взвешенность в ходе принятия тех или иных важных политических решений, связанных с проводимыми преобразованиями. Академик М. Л. Титаренко отмечает: «Китай выстраивает череду преобразований таким образом, чтобы происходил последовательный переход от относительно простых реформ к более сложным. Многие реформы сначала отработываются на сравнительно небольшой территории в одном или нескольких районах страны и лишь впоследствии осуществляются во всекитайском масштабе»²⁴. Трезвая оценка происходящих изменений вылилась в провозглашение на XIII съезде КПК (октябрь 1987 г.) концепции «начальной стадии социализма», которая будет продолжаться не менее ста лет. Поспешность в деле реформирования национальной экономики была признана недопустимой.

Следствием такого подхода к экономическому развитию стало преимущественное применение экспериментального (опытного) порядка принятия актов правотворчества, подразумевающего осуществление правового регулирования экономических отношений посредством принятия нормативных правовых актов, ограниченных по сроку действия и предполагающих их принятие в окончательной редакции лишь после установления целесообразности существования акта и эффективности его действия. Н. Л. Мамаева констатирует: «Специфической чертой нормотворчества 1980-х годов выступал его экспериментальный характер, т. е. за-

---

²² 中国数字经济发展与就业白皮书 (2019年) [Белая книга развития цифровой экономики и трудоустройства в Китае (2019 г.)]. Опубликовано в апреле 2019 г. Китайской академией информационных и коммуникационных технологий (CAICT). С. 1. URL: <http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/201904/P020190417344468720243.pdf> (дата обращения: 10.06.2019).

²³ Там же. С. 46.

²⁴ Титаренко М. Л. Международное значение китайского опыта построения рыночной экономики // Моя вторая Родина Китай: книга памяти об академике М. Л. Титаренко / гл. ред. С. Г. Лузянин. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 556.

коны и нормативные акты первоначально объявлялись экспериментом, вводились в «опытном порядке», проходили испытание временем и практикой. Отметим, что подобная форма постепенного введения новых нормативных актов показала свою целесообразность и эффективность на китайской почве и сохраняется на протяжении всей истории периода реформ в Китае»²⁵.

Проведение эксперимента в правовой сфере помогло выявить слабые и/или отрицательные стороны предлагаемых к принятию нормативных правовых актов. Кроме того, широкое экспериментальное правотворчество позволило отечественным ученым сделать некоторые неутешительные выводы в отношении концептуальных вопросов китайской юридической политики в области законодательства. Так, Е. В. Куманин пишет: «...формирование и реализация такого подхода обусловлены не только отсутствием достаточно устойчивого опыта правового регулирования, но и значительной внутренней разобщенностью многих общественных отношений. Экспериментальное правовое регулирование не всегда позволяет обеспечить единство законности и ограничивается рамками отдельных административно-хозяйственных единиц или определенным контингентом субъектов права»²⁶.

Исследуя действие экспериментального акта правотворчества в инновационной и налоговой сферах, В. В. Севальнев дополняет: «В последующем периодически проводится анализ его правоприменительной практики на предмет социальных и экономических последствий. На основе полученных данных уполномоченный орган принимает решения о закреплении на законодательном уровне или отказе от такового апробированной экспериментальной модели правового регулирования налогообложения»²⁷.

Одними из первых законов, появившихся в правовой системе КНР после «культурной революции», стали Лесной кодекс КНР (Закон «О лесах») и Закон «Об охране окружающей среды», принятые в экспериментальном порядке (1979 г.). Уже после апробации их положений на практике и внесения соответствующих изменений в тексты Лесной кодекс был официально принят в 1984 г., а Закон «Об охране окружающей среды» — в 1989 г. По такому же пути китайский законодатель пошел и при принятии следующих актов: Гражданского процессуального кодекса КНР (1982 г. — принят в опытном порядке, 1991 г. — окончательное принятие), Закона «О безопасности пищевых продуктов» (1982 г. — принят в опытном порядке, 1995 г. — окончательное принятие), Закона «О банкротстве предприятий» (1986 г. — принят в опытном порядке, 2006 г. — окончательное принятие), Закона «Об организации комитетов сельского населения» (1987 г. — принят в опытном порядке, 1998 г. — окончательное принятие) и др.

Кроме принятия нормативных правовых актов в опытном (экспериментальном) порядке, Китаю известен и так называемый временный порядок действия правотворческих документов (暂行), по целям не сильно отличающийся от первого. В основе принятия временных актов лежит невозможность принятия долгосрочных

---

²⁵ *Мамаева Н. Л.* XIII съезд КПК о программе и специфике политической реформы в КНР // КНР: поиски стабильности на пике мирового финансового кризиса: материалы ежегодной конференции Центра политических исследований Китая ИДВ РАН, 2009 г. Информационные материалы. Серия В: Общество и государство в Китае в период реформ. Вып. 24. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 120–121.

²⁶ *Куманин Е. В.* Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 62.

²⁷ *Севальнев В. В.* Правовое регулирование налогообложения инновационного сектора КНР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2012. С. 12. — См. также: *Севальнев В. В.* Источники правового регулирования налогообложения... С. 159.

законов в постоянно изменяющихся условиях. Так, в период проведения политики «реформ и открытости» в Китае появились: Постановление ВСНП о передаче полномочий Государственному совету по возможному принятию временных положений или правил в сферах реформирования экономической системы и внешней открытости (1985 г.); Постановление ПК ВСНП о временных правилах применения налогообложения в виде налога на добавленную стоимость, потребительского налога, налога на коммерческую деятельность в отношении предприятий с иностранными инвестициями и зарубежных предприятий (1993 г.) и др. Одним из последних приняты Временные правила проверки соответствия государственной безопасности зарубежных инвестиций в экспериментальные зоны свободной торговли (апрель 2015 г.).

Существование временного порядка свидетельствует, с одной стороны, о нежелании законодателя принимать крупные трудноизменяемые кодексы и законы, регулировании общественных отношений локальными актами, с другой — о наличии реальных проблем социально-экономического характера, препятствующих прогнозировать развитие страны на долгосрочную перспективу, в результате чего появляются акты временного характера, подрывающие доверие населения к законности.

6. Коррупция и борьба с ней

Тема противодействия коррупции — одна из наиболее обсуждаемых в Китае и за его пределами. Коррупция настолько глубоко проникла в партийно-государственный аппарат КНР и сознание чиновника, что для ее искоренения требуются чрезвычайные усилия и значительное время. Кажется, что полное уничтожение коррупции вряд ли возможно. Поразительные вещи констатируют сами китайские ученые: «В настоящее время в сфере антикоррупционной борьбы в Китае возникла проблема “бутылочного горлышка”, при которой законодательные возможности по борьбе с коррупцией практически исчерпаны. С одной стороны, под воздействием жесткой государственной антикоррупционной политики число антикоррупционных нормативных актов внутри партии и за ее пределами постоянно растет, налицо эффект критической массы. С другой стороны, количество коррупционных преступлений не только не снижается, но, наоборот, растет, а объем не выявленной (латентной) коррупции, возможно, еще выше. Фундаментальная причина состоит в том, что концепция “прямого противодействия” делает акцент на устрашающем эффекте уголовного наказания, однако игнорирует институциональные причины формирования коррупционной преступности»²⁸.

Несомненно, резкому росту коррупции в китайском обществе способствовали проводимые экономические реформы. Однако на первом этапе проведения политики «реформ и открытости» коррупция, как это не странно звучит, сыграла положительную роль. При отсутствии какого-либо законодательного регулирования экономической деятельности местный китайский чиновник был вправе принимать практически любые нормативные акты, стимулирующие экономическое развитие вверенного ему в управление региона. Личная заинтересованность чиновника в участии национального и зарубежного бизнеса в реформировании народного хозяйства лишь подстегивала его к оперативному принятию льготных режимов, упрощению административных процедур и снятию барьеров. Коррупция в на-

---

²⁸ Лю Хуньянь. Стратегическая трансформация законодательства в сфере противодействия коррупции в Китае // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 117.

чальный период проведения «реформ и открытости» как бы замещала собой отсутствие правовых норм, регламентирующих ведение хозяйственной деятельности ее субъектами в стремительно развивающемся государстве. Именно наличие коррупционной составляющей способствовало быстрому процессу утверждения на местном уровне различных совместных предприятий, инвестиционных проектов, строительству фабрик и заводов.

Неслучайно некоторые авторитетные российские эксперты подтверждают позитивную роль коррупции, признавая, что в определенных обществах она «создает климат, благоприятный для расширения экономических возможностей, реализации стремления к получению прибыли»²⁹. Говоря о Китае, А. В. Виноградов отмечает позитивную роль коррупции, которая на начальном этапе реформ восполняла несовершенство правового режима, а использование служебного положения в личных целях приводило к синергии личного и государственного интереса³⁰.

Таким образом, в начале реформ коррупция не воспринималась властью и обществом как угроза развитию. «До тех пор, пока коррупция реализовывала свою созидательную функцию, общество воспринимало ее как неизбежное зло и мирилось. Но как только темпы роста снизились, в обществе усилилось ощущение социальной несправедливости. <...> из фактора, стабилизирующего отношения власти и бизнеса, коррупция превратилась в фактор, дестабилизирующий отношения власти и общества»³¹.

Спустя непродолжительное время власти Китая стали осознавать опасность роста числа «разложившихся» работников государственного аппарата. Было принято известное Дополнительное положение ПК ВСНП о наказании за коррупцию и взяточничество (21.01.1988)³². Однако коррупционные скандалы охватили всю страну, имидж КПК подвергся серьезной угрозе, коррупция стала приобретать институциональный характер. Позже, через 20 лет после начала проведения политики «реформ и открытости» (в сентябре 1997 г.), генеральный секретарь КПК Цзянь Цзэминь заявил, что борьба с коррупцией является серьезным политическим сражением, от которого зависит существование либо гибель партии и государства.

Однако время, когда коррупцию можно было хотя бы сдержать в разумных пределах, оказалось безвозвратно упущенным. Ко времени прихода к власти в 2012 г. Си Цзиньпина она достигла огромных размеров, проникнув внутрь политической элиты. Потребовались изменения всей системы противодействия коррупции на самом глубоком уровне: в 2018 г. мартовскими конституционными поправками была создана новая ветвь власти — контрольная, во главе с новым конституционным органом — Государственным контрольным комитетом, решения которого теперь выше решений Центральной комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины. Таким образом, во главе антикоррупционной кампании встал государственный, а не партийный орган, что означает проведение этой кампании на новом институциональном уровне³³.

²⁹ Спектор Е. И., Севальнев В. В. Вопросы правовой защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 4. С. 677.

³⁰ Виноградов А. В. Власть, бизнес и коррупция в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 90.

³¹ Там же. С. 94.

³² См. подробнее: Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство КНР. М.: Муравей, 2000. С. 209.

³³ См. об этом: Севальнев В. В. Правовое регулирование противодействия коррупции в Китае // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 69–74; Сонин В. В. «Двуликий Цербер»: китайский государственный контроль и его реформирование // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 4. С. 104–119; Трошинский П. В. Особенности правового развития Китая в «новую эпоху» и конституционные поправки //

7. Вступление Китая во Всемирную торговую организацию

Важным этапом в стимулировании экономического развития китайского государства, несомненно, стало его вступление в 2001 г. в ВТО. Констатируем, что прокитайское лобби в США³⁴ и в целом на Западе провело успешную работу с определенными политическими кругами, в результате которой, несмотря на многочисленные нарушения прежде всего прав интеллектуальной собственности, Китай все же был принят в авторитетную международную организацию. Это произошло несмотря на то, что никакие механизмы (даже политические) защиты прав иностранных инвесторов на территории Китая не действовали, а подделки торговых марок были повсеместны и уже вышли за пределы самого Китая.

Руководство китайского государства признало вступление в ВТО «важным событием в процессе проведения Китаем реформ и открытости, ознаменовавшее наступление для Китая нового исторического этапа его внешней открытости»³⁵. Вступление в ВТО сыграло решающую роль в деле стимулирования развития всего народного хозяйства. Оно способствовало высоким темпам роста ВВП, увеличению объемов внешней торговли и резервов в иностранной валюте, снижению уровня пошлин, росту объемов привлеченных инвестиций из-за рубежа и промышленного производства, выходу в лидеры по производству и реализации отдельных видов товаров и т. д.

Под давлением международного сообщества китайский законодатель проделал большую работу по приведению действующих нормативных правовых актов в соответствие с требованиями ВТО. Однако эта деятельность, как показало время, была полной профанацией. Новые или измененные законы так и не защитили права иностранного бизнеса на интеллектуальную собственность. Многочисленные судебные тяжбы с китайскими «партнерами» были проиграны либо судебные решения остались не исполненными. Известны лишь единичные случаи, когда за неправомерное использование чужого товарного знака, патента либо авторского права недобросовестные китайские предприниматели несли юридическую ответственность. При этом положения действующих Законов КНР «О торговой марке» (23.08.1982), «О патентах» (12.03.1984), «Об авторском праве» (07.09.1990) в общем соответствуют предъявляемым к ним международными экспертами требованиям.

Однако их применение на практике невозможно из-за существования множества подзаконных и местных инструкций, правил, извещений, распоряжений, постановлений, которые тормозят реализацию законодательных норм в народных судах Китая. Исследуя сферу защиты прав интеллектуальной собственности в Китае, зарубежные исследователи свидетельствуют о том, что «проблемами остаются трудности доступа к китайскому правосудию из-за обременительных и дорогостоящих систем легализации и нотариального удостоверения документов; неэффективность предварительных судебных запретов и неадекватность присуждаемых убытков; сложности с привлечением нарушителей к уголовной от-

---

Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК: материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 14 и 16 марта 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2018. С. 207–209.

³⁴ См. подробнее: *Точеная А. О.* Прокитайское лобби в США: история становления и основные направления деятельности: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2018.

³⁵ *驻俄罗斯大使李辉在俄塔斯社发表署名文章“改革开放四十年携手世贸再出发”* [Посол в России Ли Хуэй в ИТАР-ТАСС представил и подписал статью «40 лет реформ и открытости: новая отправная точка развития Китая в качестве члена ВТО»]. URL: http://news.xinhuanet.com/fortune/2011-12/11/c_111234873.htm (дата обращения: 10.06.2019).

ветственности; крайне низкая правовая культура в сфере интеллектуальной собственности; коррупция (правда, меньших масштабов, чем в других развивающихся странах) и протекционизм на местном уровне»³⁶.

Процесс законодательного оформления членства Китая в ВТО продолжался долгие годы. Власти старались всячески поддерживать собственного производителя, принимали протекционистские меры в отношении импортируемых в Китай зарубежных товаров, устанавливали демпинговые цены на экспортируемую продукцию. Все это приводило и продолжает приводить к судебным искам против КНР, запрету продажи китайской продукции на мировых рынках, антидемпинговым расследованиям³⁷. В свою очередь, Китай неуклонно придерживается занятой ранее позиции: национальные интересы превыше взятых международных обязательств и действующих норм международного права.

Так, китайское законодательство в сфере государственных закупок (Законы «О правительственных закупках» от 26.06.2002, с изм. от 31.08.2014; «О торгах и тендерах» от 30.08.1999, с изм. от 27.12.2017; «О договорах» от 15.03.1999; «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» от 02.09.1993, с изм. от 04.11.2017 и 23.04.2019; «О качестве продукции» от 22.02.1993, с изм. от 08.07.2000, 27.08.2009 и 29.12.2018 и др.) не предусматривает, за редким исключением, допуск в данную сферу иностранного производителя. И это несмотря на непрекращающееся давление западных партнеров, желающих получить китайский госзаказ. Официальный Пекин всячески препятствует иностранному бизнесу участвовать в правительственных закупках, ведь они «все еще являются важнейшим инструментом реализации Правительством общественной политики. Так как масштабы правительственных закупок сравнительно большие, то Правительство уже превратилось в самого единственного крупнейшего потребителя на внутреннем рынке, а закупаемые им товары и услуги оказывают на рынок решающее влияние»³⁸.

Крайнее недовольство западных партнеров вызывает ч. 1 ст. 10 Закона КНР «О правительственных закупках», которая закрепляет, что предметом поставки могут быть только произведенные на территории Китая товары и услуги: «В ходе правительственных закупок должны приобретаться национальные продукция, работы, услуги». Например, в опубликованном в 2012 г. Министерством промышленности и информатизации КНР списке автомобилей для государственных нужд все 412 машин — китайские марки национальной сборки³⁹. Запрет на закупку государственными организациями иномарок в рамках государственных контрактов установлен нормативным документом, принятым в 2011 г. совместно ЦК КПК и органами Государственного совета (Подробная инструкция управления Каталогом моделей для служебного пользования партийными и правительственными органами)⁴⁰.

³⁶ Афанасьева Е. Г. Рец. на: Стоянофф Н. П. Влияние ВТО на правовой режим интеллектуальной собственности в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: государство и право. Реферативный журнал. 2012. № 4. С. 80.

³⁷ См., напр.: Платонов Н. В. О решении ВТО по спору об ограничении Китаем прав торговли аудиовизуальной продукцией // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 3. С. 3–11; Амирбекова А. Ш. Анализ дела «Китай — антидемпинговые меры в отношении бесшовных труб из нержавеющей стали с высокими характеристиками из ЕС» // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 38. С. 17–32.

³⁸ 促进技术创新的法律机制研究 [Исследование законодательной системы стимулирования технической инновации] / под ред. 林秀芹 [Линь Сюэцзинь]. Пекин: Гаодэн цзяоюй, 2010. С. 77.

³⁹ 2012年度党政机关公务用车选用车型目录 [Каталог используемых и избираемых моделей автомобилей для служебного пользования партийными и правительственными органами в 2012 г.]. URL: <http://baike.baidu.com/view/7991602.htm> (дата обращения: 10.06.2019).

⁴⁰ 党政机关公务用车选用车型目录管理细则 (全文) [Подробная инструкция управления Каталогом моделей автомобилей для служебного пользования партийными и правительственными орга-

Там же, в ч. 1 ст. 10, законодатель оговаривает возможность приобретения не китайских товаров (работ, услуг) в следующих случаях:

- когда необходимые к закупке товары, работы или услуги не могут быть приобретены в Китае либо при соблюдении разумных коммерческих условий;
- когда они закупаются за рубежом для их там последующего использования;
- в иных установленных законодательством случаях.

Как правило, за рубежом закупается только высокотехнологическая продукция, но с одной единственной целью: заимствовать (по существу, скопировать, а иначе — своровать) иностранные передовые технологии для их последующего производства на территории КНР под национальным брендом. Однако и в этих случаях зарубежный бизнес может быть в любой момент вытеснен с китайского рынка. Так, после серьезного политического конфликта с американскими производителями электроники, заподозренными китайской контрразведкой в шпионаже против КНР, правящая КПК запретила закупку продукции Apple, Microsoft и другого зарубежного программного обеспечения для государственных нужд.

Согласно ч. 2 ст. 2 Закона КНР «О правительственных закупках», под ними понимаются «действия государственных органов всех уровней, учреждений и организаций по закупке товаров, работ и услуг при использовании средств финансового характера в пределах установленных согласно закону перечней централизованных закупок либо закупочных квот». Приведенное положение — не что иное, как прямое законодательное закрепление китайскими властями протекционистской политики в отношении поддержки товаров, выпущенных собственным производителем. Под правительственными закупками законодателем понимается закупка только той продукции, работ и услуг, которые содержатся в специально утвержденном перечне. А такой перечень большей частью содержит наименование продукции, технологии и услуг, имеющих непосредственное отношение к китайскому производителю⁴¹.

Редким исключением из общего правила запрета участия иностранного бизнеса в государственных закупках является допуск некоторых зарубежных компаний на работу на континентальный шельф. В последние годы китайские партнеры предпочитают сотрудничать с американскими компаниями Santa Fe, Chevron, Atlantic Richfield Co. Компании Caltex China, Chevron, Shantou Ocean Enterprises осуществляют ряд проектов сооружения терминалов по хранению сжиженного природного газа в провинциях Гуандун и Хайнань. Итальянская ENI подписала с PetroChina соглашение о разделе продукции на ряде месторождений в центре страны и ведет разведочные работы на шельфе Южно-Китайского моря и в районе Таримской впадины.

В случаях подобного допуска обязательна лояльность иностранных партнеров к осуществляемой внутренней и внешней политике КНР, а также признание полного китайского суверенитета над ресурсами. Вхождение в проект возможно лишь совместно с китайской государственной корпорацией и при ее непосредственном руководстве на шельфе. Зарубежная нефтяная корпорация обязана создать собственную дочернюю компанию в КНР, которая должна платить налоги с прибыли на территории Китая, ее персонал должен состоять преимущественно из граждан КНР. Таким образом китайское правительство через своих граждан осуществляет скрытый контроль за деятельностью компании

нами]. URL: http://www.china.com.cn/policy/txt/2011-11/19/content_23956542.htm (дата обращения: 10.06.2019).

⁴¹ См. подробнее о существующей в Китае системе государственных закупок: 我国政府采购制度研究 [Исследование системы правительственных закупок в Китае] / под ред. 马海涛, 姜爱华 [Ма Хайтао, Цзянь Айхуа]. Пекин: Бэйцзин дасюе, 2007.

с иностранным участием и оказывает влияние на принятие ею решений через акционеров — граждан КНР.

Кроме того, на протяжении всего времени проведения политики «реформ и открытости» в КНР действовало негласное правило, предполагающее принуждение иностранных компаний передавать Китаю технологии в обмен на допуск к китайскому рынку. Политика принудительной передачи технологий распространяется и при работе на китайском шельфе. При запуске, эксплуатации и технического обслуживании техники в обязательном порядке присутствуют китайские инженеры. Более того: иностранным гражданам (инженерам) вход на территорию, где работает оборудование, может быть воспрещен. Для технического обслуживания привлекаются обученные и сертифицированные граждане КНР, которые потом используют полученную техническую информацию о высокотехнологическом оборудовании на благо Китая.

8. Экономическое развитие Китая и вопросы его правового регулирования при Си Цзиньпине

Главным идеологом происходящих в современном Китае изменений выступает Си Цзиньпин. В 2017 г. исполнилось пять лет с момента его избрания главой Коммунистической партии Китая. Процесс передачи власти новому «пятому поколению» руководителей окончательно завершился в 2013 г., когда ВСНП 12-го созыва на своей первой сессии избрало Си на должность Председателя КНР. Его полномочия в качестве Генерального секретаря КПК и Председателя КНР были подтверждены в 2017 и 2018 гг. соответственно.

Мало кто из экспертов предполагал, что Си Цзиньпин, заняв высшие партийно-государственные посты, предпримет активные попытки сконцентрировать максимальную власть в своих руках, развернет широкомасштабную борьбу с коррупцией, в рамках которой уголовному преследованию подвергнутся самые высокие руководители, а уже всего лишь через пять лет после парламентской сессии, его избравшей, изменит Конституцию, занеся в ее Преамбулу свое имя, устранив конституционное ограничение на занятие поста Председателя КНР более двух сроков подряд, создаст новый конституционный орган — Государственный контрольный комитет.

Новый авторитаризм в лице Си Цзиньпина не обязательно несет опасность для китайской государственности. Его можно рассматривать и как залог стабильного развития КНР. Во всяком случае, с таким принципиальным и мощным лидером «расшатать» Китай будет сложнее. Особенно важна стабильность в условиях разворачивающейся торговой войны с США и их стратегическими союзниками, к которой, похоже, Китай был не совсем готов.

В новых условиях возможно серьезное изменение как политической программы социально-экономического развития страны, так и действующего экономического законодательства. К 2020 г. Си обещал построить в КНР общество «сяокан» (среднезажиточное общество), предполагающее достижение социальной справедливости и высокого уровня жизни каждым гражданином Китая. При этом Китай сталкивается с проблемами, связанными со спадом промышленного производства, оттока иностранных капиталов, диспропорции в развитии регионов, разрушением экологии, старением населения, ростом нарушений в продовольственной и лекарственной сферах. На таком фоне повышается уровень недовольства проводимой КПК политикой.

В ответ на углубляющиеся вызовы и угрозы китайские власти масштабно развивают цифровые технологии, активно вовлекают в цифровую экономику практи-

чески все население страны (в 2018 г. в среднем каждый житель Китая совершил онлайн-покупок на сумму 5030,74 юаней⁴²), способствуют распространению систем социального рейтинга и распознавания лица для тотального контроля за массами. В новых условиях принимаются два важнейших закона экономической направленности: «Об электронной торговле» (принят ПК ВСНП 31.08.2018) и «Об иностранных инвестициях» (принят ВСНП 15.03.2019).

Кроме того, 28 мая 2020 г. китайский парламент принял долгожданный Гражданский кодекс (вступит в силу с 1 января 2021 г.), работа над которым была начата еще в 1950-е годы. Вместо него пока действуют разрозненные акты правотворчества: Общие положения гражданского права (1986 г.), Законы КНР «О вещных правах» (2007 г.), «Об ответственности за нарушение прав» (2009 г.), «О применении законодательства в гражданско-правовых отношениях с участием иностранных лиц» (2010 г.), Общая часть гражданского права (2017 г.) и некоторые другие законы («О патентах», «О товарных знаках», «Об авторском праве», «О договорах», «О компаниях»), некоторые из которых стали составными частями ГК КНР.

Особого внимания в рамках исследования проводимой Си Цзиньпином политики «углубления реформ» заслуживает крупнейший китайский мегапроект «Один пояс — один путь», объединивший проекты «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI в.». «Один пояс — один путь» был включен в план 13-й пятилетки (2016–2020 гг.). Суть проекта заключается в создании и продвижении новой модели международного экономического сотрудничества, предполагающей укрепление торговых связей между государствами Евразии с потенциальным экономическим масштабом не менее 21 трлн долларов США.

Несомненно, «Один пояс — один путь» потребует от его участников создания всеобщего единого правового режима, который, судя по китайским амбициям, должен отвечать прежде всего их национальным интересам. Однако это скорее всего не устроит вовлеченных в проект зарубежных партнеров. Впереди тяжелые и долгие переговоры по вопросам таможенных ставок, созданию межгосударственных арбитражных комиссий по разрешению экономических споров и механизмов исполнения принимаемых ими решений, защите капиталовложений и получаемой прибыли и др.

Заключение

Национально ориентированная юридическая политика китайского государства периода «реформ и открытости» способствовала стремительному росту экономики, в результате чего Китай превратился в одного из глобальных мировых лидеров. Механизм правового регулирования осуществляемых в Китае преобразований базировался на принципах, совершенно отличных от общепринятых на Западе. Китайские власти фактически отрицают приоритет норм международных договоров над нормами национального законодательства, в действительности не придерживаются принципа разделения властей, системы сдержек и противовесов, многопартийности, демократичности избирательной системы и многого того, что обязательно сопровождает экономические реформы в западных государствах. Несмотря на это, им удалось не только восстановить разрушенное народное хозяйство, но и превратить страну в мощную державу со второй экономикой в мире.

Иными словами, Китай предложил уникальную и успешную модель правового регулирования экономической сферы, отличную по многим фундаментальным

⁴² 人民日报 [Жэньминь жибао (Ежедневная народная газета)]. 2019.03.04.

принципам от европейских аналогов. В ходе проведения «политики реформ и открытости» на практике было доказано, что бурное экономическое развитие возможно и в условиях, по существу, антидемократического режима, если его главной целью будет стремление к достижению обогащения каждого члена общества. Сочетание государственного планирования с рыночной экономикой, создание специальных приморских экономических зон, активное привлечение инвестиций из-за рубежа, заимствование передовых зарубежных технологий, массовое строительство собственных производств и разумное ограничение импорта с колоссальной поддержкой экспорта — все это требовало от законодателя принятия целого пакета нормативных правовых актов, которые защитили интересы Китая и его компаний от иностранных конкурентов, позволили появиться крупным китайским корпорациям и передовым производствам.

За 40 лет реформ принят целый ряд уникальных законов и подзаконных актов, способствующих росту китайской экономики и привлечению зарубежных инвестиций в местное производство. Китай отказался от принятия трудноизменяемых гражданского, налогового, административного кодексов; вместо них в правовой системе действуют разрозненные локальные акты правотворчества, в которые при необходимости оперативно вносятся поправки и дополнения. Повсеместное применение правовых экспериментов в налоговой и инвестиционной сферах, расплывчатое законодательство, способствующее вытеснению иностранных конкурентов с рынка, отсутствие четкого правового механизма защиты прав интеллектуальной собственности зарубежного производителя, ручное управление законодательной и экономической сфер на местах, широкое применение высшей меры наказания, в том числе за совершение экономических преступлений, жесткое подавление инакомыслия, — все это не только не тормозило развитие, а, напротив, ускоряло его.

Национальный бизнес чувствовал стабильность китайского режима и проводимой им юридической политики, уверенность в том, что при соблюдении законодательства его экономические интересы будут соблюдены. Китайские предприниматели были уверены в неизменяемости взятого курса реформ, правящая партия заявляла о недопустимости проведения политики шоковой терапии, государство всячески поддерживало бизнес, взамен требуя лояльности к власти и одобрения осуществляемых преобразований. Законодательство формулировалось таким образом, чтобы в случае хозяйственного спора с иностранным партнером права и интересы собственного бизнеса были надежно защищены. Однако даже в этом случае огромные инвестиции из-за рубежа поступали в Китай по причине того, что устойчивая политическая система гарантировала безопасность вложений, а решить возникающие споры позволяли медиативные процедуры с участием как хозяйствующих субъектов, так и представителей власти. В таких случаях закон часто находился в подчиненном политике положении, во многих случаях политические решения подменяли правовые нормы.

Успешность экономического развития Китая в период «политики реформ и открытости» подтверждает возможность повышения уровня благосостояния народа при сохранении собственной, отличной от западной, правовой культуры и правовой идентичности; необходимыми требованиями для достижения успеха в реформах являются законодательное обеспечение национальных интересов и защита интересов собственных граждан.

Статья поступила в редакцию: 13 июня 2019 г.
Рекомендована в печать: 30 января 2020 г.

Legal policy and the People's Republic of China's legislation of reform and opening-up period*

Pavel V. Troshchinskiy

For citation: Troshchinskiy, Pavel V. 2019. Legal policy and the People's Republic of China's legislation of reform and opening-up period. *Pravovedenie* 63 (2): 285–308. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.206> (In Russian)

The article is devoted to the study of the peculiarities of the legislative policy in the sphere of regulation of economic transformations carried out by the Chinese authorities since 1978. The leaders who came to power after Mao Zedong's death and the end of the "cultural revolution" (1976) instigated widespread reforms, which are better known as the policy of "reform and opening-up" in China. The course of "four modernizations" was proclaimed in the country, law-making activity was resumed which had been interrupted by various destructive political campaigns for two decades (1956–1976). The changes were realized without a breakup of the essential foundation of the new Chinese statehood, formed in October 1949. When China returned to the epicenter of global geopolitics, the world was shown not only a unique model of economic development, but one that differed from the West. At the same time, China followed a peculiar path of legal development. With no multiparty system, separation of powers, checks and balances, the transformation of the country into a legal state on the European model, the constitutional consolidation of the priority of international law over national, etc., China managed to achieve amazing economic results. Over the years of reforms, China has proved to the world the possibility of an alternative, in comparison to the West, and no less progressive legal regulation models of the economic sphere. Thanks to the national-oriented legal policy, which supposes the priority of protecting state interests, the Chinese reformers managed not only to attract significant investments from abroad and new Western technologies to the country, but also gained absolute control over them, including the mass registration of intellectual property rights of foreign businesses to their citizens. In the pursuit of quick profits, foreign businesses have not paid due regard to the particularities of the current Chinese legislation, which "were happy to" let allows foreigners into their territory, but prevented the free export of legitimate profits out of the country. Now, against the backdrop of an unfolding trade and economic war between China and the United States, an increasing number of foreign entrepreneurs are thinking about the transfer (return) of their production from China to other countries. It will not be easy to do and in some sectors of the economy it is no longer possible. The vagueness and non-specificity of Chinese regulations is an excellent basis for the introduction of any restrictive measures against a foreigner wishing to export his capital and material means of production. The basis of legal policy and legislation governing "reform and opening-up" were formed at the beginning of their realization. Now the West, which has been actively helping China to rise for last 40 years, can only "reap the fruits" of its own foreign policy strategy.

Keywords: China law, legal system, legislation, legal regulation, legal policy, legal experiment, economic reforms, state security.

References

- Afanas'eva, Ekaterina G. 2012. Review of: Stoianoff, Natalie P. 2012. The influence of the WTO over China's intellectual property regime. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 4: gosudarstvo i pravo. Referativnyi zhurnal* 4: 76–80. (In Russian)
- Akhmetshin, Khasan M., Akhmetshin, Nail' Kh., Petukhov, Aleksei A. 2000. *Current criminal law of PRC*. Moscow, Muravei Publ. (In Russian)
- Amirbekova, Alua Sh. 2014. Analysis of the case China — measures imposing anti-dumping duties on high-performance stainless steel seamless tubes from the EU. *Voprosy sovremennoi iurisprudentsii* 38: 17–32. (In Russian)

---

* Dedicated to the memory of the outstanding Russian scientist, researcher of Chinese law Leonid Gudoshnikov (06.12.1927–18.08.2014).

- Egorov, Kim A. (ed.). 1983. *Basic laws and regulations of the People's Republic of China (1979–1981)*. Translation from Chinese. Part 1. Moscow, IDV RAN Publ. (In Russian)
- Deliusin, Lev P. 2003. *Deng Xiaoping and the Reformation of Chinese Socialism*. Moscow, Muravei Publ. (In Russian)
- Deng, Xiaoping. 1985. *On the construction of socialism with Chinese characteristics*. Beijing, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh Publ. (In Russian)
- Gudoshnikov, Leonid M. 2008. The Constitution of the PRC of 1978 and the beginning of the legal process in China. *Publichno-pravovye issledovaniia* 3: 119–129. (In Russian)
- Gudoshnikov, Leonid M. 2013. Legal regulation of free economic zones. *Istoriia Kitaia ot drevnikh vremen do nachala 21 veka*, in 10 vols, ed. by S. L. Tikhvinskii. vol. 9: 258–259. Moscow, IDV RAN Publ. (In Russian)
- Gudoshnikov, Leonid M. (ed.). 1984. *PRC. Constitution and legislative acts. Translation from Chinese*. Moscow, Progress Publ. (In Russian)
- Gudoshnikov, Leonid M., Krzhizhkovskii, Ladislav (eds). 1985. *Modern Law of China*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Kumanin, Evgenii V. 1990. *Legal Policy and Legal System of the People's Republic of China*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Lin, Xiujin (ed.). 2010. *Research on Legal Mechanism to Promote Technological Innovation*. Beijing, Gaoden tsziaoiui. (In Chinese)
- Liu, Hunian. 2017. Strategic transformation of the anti-corruption legislation in China. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia* 5: 116–121. (In Russian). https://doi.org/10.12737/article_59bbac202b31d8.53700151.
- Ma, Haitao, Jiang, Aihua (eds). 2007. *Research on China's Government Procurement System*. Beijing, Beitszin dasiue. (In Chinese)
- Mamaeva, Natal'ia L. 2009. XIII Congress of the CPC on the program and specifics of political reform in the PRC. *KNR: poiski stabil'nosti na pike mirovogo finansovogo krizisa: materialy ezhegodnoi konferentsii Tsentra politicheskikh issledovaniia Kitaia IDV RAN. Informatsionnye materialy. Seriia V: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae v period reform*, vol. 24: 103–130. Moscow, IDV RAN Publ. (In Russian)
- Ostrovskii, Aleksandr V. 2013. 10 years after China entered the WTO: new problems and new challenges for the Chinese economy. *Ekonomika KNR: 10 let posle vstupleniia v VTO*. Part 1, ed. by A. V. Ostrovskii: 5–27. Moscow, IDV RAN Publ. (In Russian)
- Pavlikovskii, Evgenii S. (ed.). 1929. *Criminal Code of the Republic of China*. Harbin, Otd. Tip. Kit. Vost. zhel. dor. Publ. (In Russian)
- Platonov, Nikolai V. 2010. On the WTO Decision on a Dispute on the Limitation by China of Trade Rights in Audiovisual Products. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* 3: 3–11. (In Russian)
- Portyakov, Vladimir Ya. 2013. The role of special economic zones in economic development. *Istoriia Kitaia ot drevnikh vremen do nachala 21 veka*, in 10 vols, ed. by S. L. Tikhvinskii, vol. 9: 256–257. Moscow, IDV RAN Publ. (In Russian)
- Portyakov, Vladimir Ya., comp. 2018. On the occasion of the 40th anniversary of the beginning of economic reforms in the People's Republic of China. *Problemy Dal'nego Vostoka* 6: 4–41. (In Russian)
- Seval'nev, Viacheslav V. 2012. Sources of Legal Regulation of Taxation of the Innovative Sector of the People's Republic of China. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia* 1: 150–161. (In Russian)
- Seval'nev, Viacheslav V. 2012. *Sources of Legal Regulation of Taxation of the Innovative Sector of the People's Republic of China*, Abstract of PhD Thesis in Law. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. (In Russian)
- Seval'nev, Viacheslav V. 2018. Regulation of anti-corruption enforcement in China. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia* 2: 69–74. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/art.2018.2.10>.
- Sonin, Viktor V. 2018. “Two-faced Cerberus”: state control and its reform in China. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo* 4: 104–119. (In Russian). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/104-119>.

- Spektor, Ekaterina I., Sevalnev, Viacheslav V. 2015. Issues on Legal Protection of Persons Reporting Corruption. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia* 4: 676–683. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/14315>.
- Titarenko, Mikhail L. 2013. XVIII Congress of the CPC and the development of the theory of socialism with Chinese characteristics. *People's Republic of China: Politics, Economics, Culture*. 2012–2013, ed. by Mikhail L. Titarenko: 6–37. Moscow, ID Forum Publ. (In Russian)
- Titarenko, Mikhail L. 2018. The international significance of the Chinese experience in building a market economy. *My second homeland is China. The book of memory about academician M. L. Titarenko*, ed. by Sergei G. Lousianin. 553–566. Moscow, IDV RAN Publ. (In Russian)
- Tochenaia, Alena O. 2018. *Pro-Chinese lobby in the USA: history of formation and main lines of activity*. PhD Thesis in Law. St. Petersburg, St. Petersburg University. (In Russian)
- Troshchinskiy, Pavel V. 2018. Features of the legal development of China in a “New Era” and amendment to the constitution. *Novaia epokha: Kitai posle XIX s'ezda KPK: materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii Tsentra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDV RAN* (Moskva, 14 i 16 marta 2018 goda): 198–210. Moscow, IDV RAN Publ. (In Russian)
- Vinogradov, Andrei V. 2014. Power, business and corruption in China. *Problemy Dal'nego Vostoka* 1: 89–96. (In Russian)

Received: June 13, 2019

Accepted: January 30, 2020

Pavel V. Troshchinskiy — PhD in Law, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky pr., Moscow, 117997, Russian Federation; troshc@mail.ru